

Маленький евнух, до этого робко плевшийся позади, вдруг спохватился и поспешил забежать вперед. Где это видано, чтобы провожатый тащился сзади? Чистое безобразие.

Только тогда он решился передать волю государя:

— Вдовствующая императрица, Его Величество ожидает вас в павильоне Сивань... — Он замялся на полуслове.

Императрица подняла глаза. Окинув слугу ленивым, оценивающим взглядом, она неспешно произнесла:

— Я знаю.

Опять его оборвали на полуслове.

Евнух послушно прикусил язык и больше не издал ни звука.

Павильон Сивань служил обителью наложницы Чэн, матери седьмого принца. То, что император ждал их именно там, говорило само за себя — правитель наверняка догадался, чьих рук это дело.

Пока Кон Цзяцзы размышлял об этом, императрица слегка сжала его ладонь, на которую опиралась при ходьбе, и тихо шепнула:

— Гуйюань, не отвлекайся.

Юноша взглянул на нее. Она улыбнулась с таким дерзким, безудержным пренебрежением к опасности, будто ждала этого дня долгие годы.

В этот миг перед Кон Цзяцзы предстала не увядающая женщина, источенная десятилетиями дворцовой неволи, а восставший из пепла феникс, готовый испепелить своим пламенем весь мир.

Павильон Сивань

Император сидел у постели седьмого принца. Он взглянул на сына, лежащего в беспамятстве, осторожно коснулся его лба и тут же отдернул руку.

Стоило ему повернуться к слугам, как вся родительская нежность бесследно испарилась с его

лица.

— Что скажешь? — холодно спросил он.

Главный управляющий У, преданно замерший у изголовья, поспешил ответить:

— Придворные лекари разводят руками, Ваше Величество...

— Я не об этом, — оборвал его император и вскинул голову. — Я спрашиваю: подтвердилось ли, что совершившие покушение танцовщицы — из тайных наемников Сяо Ци?

У Си не решился ответить сразу. Осторожно взглянув на повелителя, он с явным замешательством произнес:

— Ваше Величество... вашему слуге кажется, что в этом деле слишком много темных пятен. Ведь седьмой принц обычно...

— Хочешь сказать, его оклеветали? — Голос императора угрожающе упал, едва сдерживаемая ярость рвалась наружу. — А те тринадцать мертвецов, которых мы захватили? Их тоже подбросили, чтобы подставить его? И ради чего затевать столь сложную игру? Ради какого-то безумца?!

И правителя нисколько не покорило, что он назвал собственного сына сумасшедшим.

У Си поспешно рухнул на колени. Обливаясь холодным потом, он заикаясь пробормотал:

— Ва-Ваше Величество, у вашего ничтожного слуги... и в мыслях не было покрывать седьмого принца...

В этот момент от дверей донесся звонкий голос дежурного евнуха:

— Его Величество! Вдовствующая императрица прибыла!

Император заставил себя успокоиться. Даже не взглянув на коленопреклоненного У Си, он холодно бросил:

— Лекари умудрялись скрывать от меня недуг Сяо Ци целых десять лет. Как думаешь... могу ли я после этого доверять тебе?

У Си мертвенно побледнел.

Едва вдовствующая императрица переступила порог павильона Сивань, как навстречу ей вышел сам император.

— Матушка, — почтительно склонил он голову.

Она окинула его холодным взглядом, и едва заметно усмехнулась:

— А я-то думала, сын, которого я вырастила с таким трудом, спит и видит меня в могиле... Посмотри, твои собственные дети уже подрастают. Запомни: как ты относишься ко мне, так и они со временем поступят с тобой. Понимаешь ли ты это теперь?

Император на миг окаменел. Лишь мгновение спустя он тяжело вздохнул:

— Матушка все еще держит на меня обиду?

Императрица лишь властно повела рукой:

— Гуйюань, води меня внутрь. На улице сквозняк, а кости у меня уже старые, не то что прежде. Не ровен час простудишься — так в этом дворце потом и лекаря приличного не допросишься...

Император уязвленно поджал губы. Он хотел было возразить, но передумал и молча последовал за матерью.

Наложница Чэн стояла на коленях у самого входа, безудержно рыдая. Двое евнухов крепко держали ее за плечи, не давая надеть глупостей. Увидев вошедших, она запричитала еще громче:

— Вдовствующая императрица! Ваше Величество! Тань безвинно оклеветан! Он ведь еще совсем дитя, с чего бы ему творить подобное?!

— Замолчи! — не выдержал император. — Чэн, как я относился к тебе все эти годы? И вот твоя благодарность! Скрывать от меня недуг седьмого принца, его темное колдовство, его шпионов по всему дворцу... Все твои грязные тайны теперь наружу! Не передо мной тебе нужно выть, а спросить саму себя: кого ты произвела на свет — человека или чудовище?!

— Ваше Величество... — Наложница рванулась вперед, но стоявший рядом евнух ловко зажал ей рот платком.

Императрица перевела взгляд с рыдающей женщины на сына и негромко произнесла:

— Погоди горячиться. У меня есть вопрос к наложнице Чэн.

Евнух вопросительно взглянул на императора и, получив едва заметный кивок, отпустил женщину.

Наложница Чэн больше не смела кричать, лишь безмолвно глотала слезы, градом катившиеся по лицу.

— Скажи мне, Чэн, — вкрадчиво спросила императрица, — а где сейчас наш Одиннадцатый?

Наложница мгновенно осунулась.

— Ваше Величество, эти двое братьев всегда были неразлучны, — обратилась вдовствующая императрица к сыну. — И я ни за что не поверю, будто Одиннадцатый оставался в неведении...

— Пощадите! — истошно взвизгнула наложница Чэн.

— Вот видишь, — со вздохом заметила императрица. — В этом мире лишь материнская любовь чиста и безусловна, ответное же чувство детей всегда с изъяном... Чэн понимает, что Сяо Ци ей уже не спасти, а потому пытается уберечь хотя бы Одиннадцатого. Но что, если погибнут оба? Ведь то, что они совершили — не глупая шалость... И в столь нежном возрасте.

Она вновь повернулась к императору:

— Сколько сейчас Одиннадцатому? Около тринадцати?

Император опешил. В груди у него неприятно закололо.

— Помнишь ли ты себя в его годы? — спросила императрица.

Император помрачнел:

— Я... в то время я получал нагоняи от гранд-секретарей за то, что не мог толком разобрать государственные доклады. Мне и в голову прийти не могло...

— Вот именно, — оборвала его мать. — Десять лет я не касалась дел гарема. Великую Юн, по счастью, оберегали верные министры, так что большой беды не случилось. Но посмотри, во что превратился твой собственный дворец? В какое гнездо порока и заговоров?

— Ты годами ненавидел меня за то, что я не спешила делиться властью. Но разве я не хотела этого? Ты плоть от плоти моей, и я лишь боялась, что ты оступишься. И вот результат... Если

бы я не вмешалась сегодня, то завтра само существование Великой Юн под началом нашего рода оказалось бы под большим вопросом.

Она резко развернулась к наложнице Чэн:

— Говори всю правду, Чэн. Тебе одной, будь твой Сяо Ци хоть трижды дьявольски умен или одержим бесами, такое не проверить. Вы безвылазно сидели в четырех стенах. Откуда у вас люди? Откуда влияние? Твоему отцу с его жалким третьим чиновничьим рангом подобные дела не по плечу!

Наложница Чэн ошеломленно уставилась на вдовствующую императрицу. Она побледнела.

Она и представить не могла, что на свете существуют столь грозные женщины.

Казавшаяся сломленной, лишенной всякой опоры и запертая в глухом углу дворца на целое десятилетие, эта женщина сейчас, прямо у нее на глазах, одним легким движением возвращала себе величие.

Кон Цинлянь воистину была страшным противником.

Стиснув зубы, наложница Чэн решилась на отчаянный шаг. Она вскинула голову и истошно прокричала императору:

— Коль решено меня сгубить, так и вина отыщется! Ваше Величество, я чиста перед вами!

С этими словами она попыталась со всей силы прикусить себе язык.

— Ну же, умирай скорей! — ледяным тоном бросила императрица, указывая на нее пальцем. — Твоя смерть станет лучшим признанием! Все сразу поймут, что ты пытаешься прикрыть тех, кто стоит за твоей спиной!

— Держать ее! Живее! — испуганно выкрикнул император.

Наложница Чэн в замешательстве замерла, но секунда промедления решила все. Стоявший рядом евнух резким, отточенным движением вывихнул ей челюсть.

Императрица больше не смотрела в ее сторону. Она неспешно развернулась:

— Идем. Поглядим на нашего Сяо Ци.

<http://bllate.org/book/18226/1759689>